

## ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: ЗАКРЕПЛЕНИЕ РЕЖИМА И СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА

**Синякин Иван Игоревич**

Доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (Москва),  
ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

*Настоящая работа продолжает исследование, начатое в статье «Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику» (2024. № 6. С. 5–12). Автор предлагает международно-правовой анализ ключевых положений Договора 2017 г. с позиции основ права международной безопасности (в системной связи с Уставом ООН 1945 г. и Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 г.) и права международных договоров. В процессе анализа выявляются явные пробелы, противоречия и несостыковки как с существующим режимом нераспространения ядерного оружия и обязательствами ядерных держав, так и с отдельными положениями самого Договора 2017 г. Низкая юридическая эффективность норм и невысокое качество всего международного режима обусловлены не только отсутствием среди разработчиков текста ядерных держав, но и явно неудачной попыткой искусственно соединить в рамках Договора различные нормы действующих режимов ядерного, химического и бактериологического нераспространения. В результате автор приходит к выводу, что даже присоединение к Договору 2017 г. стран, de jure и de facto обладающих ядерным оружием, не сможет обеспечить гарантированное ядерное разоружение.*

*Ключевые слова:* Договор о запрещении ядерного оружия, поддержание международного мира и безопасности, право международных договоров, режим, механизмы

*Для цитирования:* Синякин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: закрепление режима и становление механизма // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 31–41. DOI: [https://doi.org/10.34076/22196838\\_2025\\_2\\_31](https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_31).

## TREATY ON THE PROHIBITION OF NUCLEAR WEAPONS: CONSOLIDATION OF THE REGIME AND ESTABLISHMENT OF THE MECHANISM

**Sinyakin Ivan**

Associate professor, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia, candidate of legal sciences (Moscow), ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

*The present work continues the research started in the article «The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: introduction to the problem» (2024, no. 6, pp. 5–12). The author provides an international legal analysis of the key provisions of the 2017 Treaty from the perspective of the fundamentals of international security law (in systemic connection with the UN Charter of 1945 and the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons of 1968) and law of treaties. In the course of the analysis, the author identifies clear gaps, contradictions and inconsistencies both with the existing nuclear non-proliferation regime and the obligations of nuclear states, as well as with specific provisions within the 2017 Treaty itself. The low legal effectiveness of the norms and the quality of the entire international regime are attributed not only to the absence of nuclear states among the drafters of the text but also to a clearly unsuccessful attempt to artificially integrate various norms from the existing regimes of nuclear, chemical and biological non-proliferation within the framework of the treaty. As*

*a result, the author concludes that even the accession of de jure and de facto nuclear states to the 2017 Treaty will not ensure guaranteed nuclear disarmament.*

*Key words: Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, maintaining of international peace and security, law of treaties, regime, mechanisms*

*For citation: Sinyakin I. (2025) Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: consolidation of the regime and establishment of the mechanism. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 31–41, DOI: [https://doi.org/10.34076/22196838\\_2025\\_2\\_31](https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_31).*

Как говорилось ранее<sup>1</sup>, фундаментальный характер закрепляемых отдельными международными договорами (прежде всего Уставом ООН 1945 г. и Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 г., далее – ДНЯО) положений требует особого внимания при любых изменениях данных договоров и тем более при их замене. Полагаем, что Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г. (далее – ДЗЯО), призванный заменить Договор 1968 г., не может считаться «надлежащей заменой».

Главное обязательство государств-участников ДЗЯО сформулировано в ст. 1, текст которой использует уже известные по договорам о запрещении и ограничении оружия массового уничтожения шаблонные формулировки. Так, п. «а» аналогичен положениям ст. 1 конвенций о запрещении бактериологического и химического оружия, пп. «b», «с», «е», «f» полностью взяты из ст. 1 и 2 Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Пункт «g» выдержан в формулировках договоров о безъядерных зонах, а положения п. «d» – дополнительных протоколов к этим договорам. Такое повторение, с одной стороны, избыточно, поскольку эти положения и так являются частью общего международного права, а с другой стороны, прямо указывает на стремление разработчиков ДЗЯО заменить ДНЯО, иными словами, подтверждает несовместимость этих договоров (подробнее см. ниже – ст. 18 ДЗЯО).

Существует мнение, что ДЗЯО, запрещая любое применение ядерного оружия, тем самым включает его применение в число военных преступлений, таких как применение химического или бактериологического оружия; при этом, правда, его применение государствами и против государств, не участвующих в ДЗЯО, остается правомерным<sup>2</sup>. Подобный «дуализм» не просто нехарактерен для самой идеи международного преступления, но и противоречит ей: противоправность подобных действий объективна (не зависит от позиций отдельных государств), императивна (не является результатом выбора государства) и универсальна (едина для всего международного сообщества). В свою очередь запрещение применения конкретных видов вооружений, в том числе оружия массового уничтожения, не подразумевается лишь в силу норм общего международного гуманитарного и уголовного права<sup>3</sup>; для этого необходимо специальное соглашение государств<sup>4</sup>.

Более того, история свидетельствует об особом пути становления международно-правового запрета бактериологического и химического оружия. В 1925 г. был принят первый универсальный международный договор в отношении бактериологического и химического оружия – Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. Государства, обладавшие наиболее крупными арсеналами таких вооружений, применявшие их в войнах или столкнувшиеся с их применением, активно и последовательно присоединялись к данному договору (в том числе будущие постоянные члены Совета Безопасности ООН)<sup>5</sup>. Как показывают даты начала участия государств в Протоколе, к моменту принятия конвенций о запрещении бактериологического (1972 г.) и химического

<sup>1</sup> Сinyaкин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 5–12.

<sup>2</sup> Марусин И. С. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1. С. 29.

<sup>3</sup> Например, пп. «а», «д» Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., подп. «xx» п. «2b» ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда 1998 г.

<sup>4</sup> Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. С. 110.

<sup>5</sup> Участниками Протокола стали: Франция – в 1926 г., Австрия, Египет, Италия и СССР – в 1928 г., Германия, Иран, Испания, Польша, Румыния и Турция – в 1929 г., Великобритания – в 1930 г., Ирак – в 1931 г., Болгария –

(1993 г.) оружия<sup>1</sup> наиболее и непосредственно заинтересованные стороны уже отказались от его применения в вооруженных конфликтах, а конвенционное запрещение вооружений стало логическим продолжением и закреплением процесса кодификации, по сути, обычной нормы международного права. Эти же обстоятельства способствовали и становлению соответствующих составов военных преступлений. С ядерным оружием ситуация была иной. Помимо того что данное оружие никогда не рассматривалось международным правом как запрещенное средство ведения войны, государства, испытавшие, применившие (США) и обладающие ядерным оружием в настоящий момент, никогда не отказывались от него. Иными словами, в отношении ядерного оружия отсутствует как запрещающая его норма общего международного права, так и практика непосредственно заинтересованных государств, прямо свидетельствующая о становлении подобного запрета или отказа.

Статья 3 ДЗЯО касается неядерных государств в понимании ДНЯО и, по сути, дословно воспроизводит их обязательства по ст. 3 Договора 1968 г. (в отношении гарантий МАГАТЭ). Подобное «дублирование» также подтверждает тезис о стремлении государств-участников демонтировать режим ДНЯО.

Одной из статей ДЗЯО, наиболее сильно размывающих эффективность всего предлагаемого режима и ставящих под сомнение реальность его существования, является ст. 4, касающаяся порядка достижения полной ликвидации ядерного оружия. Статья выделяет две группы ядерных государств: те, которые после 7 июля 2017 г. имели в собственности, во владении или под контролем ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и ликвидировали свою программу ядерного оружия, и те, кто обладает им в настоящий момент. Первые должны сотрудничать с компетентным международным органом для проверки необратимой ликвидации его программы ядерного оружия и МАГАТЭ для контроля за исключительно мирной ядерной деятельностью; вторые – ликвидировать свое ядерное оружие в кратчайшие сроки (пп. 1–2). Кроме того, государства-участники назначают компетентный международный орган (органы) для согласования и проверки необратимой ликвидации программ ядерного оружия (п. 6).

Прежде всего обращает на себя внимание безадресность данной нормы: в настоящий момент среди участников ДЗЯО нет ни одного государства, которое подпадало бы под пп. 1–2. Из нынешних государств-участников ДЗЯО только две страны в прошлом имели ядерное оружие: Казахстан и ЮАР. Однако Казахстан передал России ядерное оружие, находившееся на его территории, в соответствии с Протоколом к Договору между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 23 мая 1992 г., а в 1994 г. Казахстан присоединился к ДНЯО в качестве неядерного государства<sup>2</sup>. ЮАР отказалась от ядерного оружия в 1989 г. и в 1991 г. присоединилась к ДНЯО как неядерное государство. Отсюда следует, что положения ст. 4 не могут быть исполнены<sup>3</sup>, а назначаемые компетентные органы попросту нет смысла создавать из-за отсутствия предмета и цели обсуждения.

Другим недостатком является декларативность положений о международном контроле. В п. 1 приводится лишь упоминание о МАГАТЭ, с которым необходимо заключить соглашение о гарантиях относительно непереклечения заявленного ядерного материала с мирной ядерной деятельности и отсутствия незаявленных ядерного материала или деятельности в этом государстве – положения, взятые из ст. 3 ДНЯО. Однако орган, который будет непосредственно заниматься проверкой ликвидации ядерного оружия, в ДЗЯО не упомянут, имеется лишь указание на его назначение, при этом, правда, отсутствует порядок назначения.

В доктрине выдвигались предложения наделить полномочиями по международному контролю МАГАТЭ и Подготовительную комиссию Договора о всеобъемлющем

в 1934 г., Чехия – в 1938 г., Венгрия и Китай – в 1952 г., Сирия – в 1968 г., Израиль – в 1969 г., Япония – в 1970 г., Ливия – в 1971 г., США – в 1975 г.

<sup>1</sup> Конвенции вступили в силу соответственно в 1975 и 1997 гг.

<sup>2</sup> Муратшина К. Г. Политика государств постсоветской Центральной Азии в отношении Договора о запрещении ядерного оружия // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 49–50.

<sup>3</sup> Patton T., Philippe S., Mian Z. Fit for Purpose: An Evolutionary Strategy for the Implementation and Verification of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2019. Vol. 2 (2). P. 388.

запрещении ядерных испытаний (далее – ДВЗЯИ)<sup>1</sup>. Однако контроль за ликвидацией ядерного оружия не предусмотрен Уставом МАГАТЭ, к тому же на переговорах по разработке текста ДЗЯО МАГАТЭ не было представлено. Более того, остаются и другие вопросы: о порядке назначения и направления инспекций МАГАТЭ, их финансирования, действий МАГАТЭ в случае установления фактов несоблюдения ДЗЯО, об осуществлении экспортного контроля, обеспечении запрета на передачу ядерных материалов и технологий и т. д.<sup>2</sup> Все эти положения отсутствуют в Уставе МАГАТЭ, хотя цель ДЗЯО потребует от организации более интрузивных проверок, нежели по ДНЯО<sup>3</sup>.

Аналогичные вопросы возникают и в отношении Подготовительной комиссии ДВЗЯИ. В отличие от МАГАТЭ, обладающего организационным потенциалом, силами и средствами для проведения инспекций, Подготовительная комиссия лишена таких возможностей, а ее основная задача согласно Резолюции об учреждении от 19 ноября 1996 г. – проведение необходимых приготовлений к эффективному осуществлению ДВЗЯИ, который на настоящий момент не вступил в силу. Кроме того, договоры о запрещении/ограничении оружия массового уничтожения, предполагающие осуществление международного контроля, либо указывают на контролирующую структуру<sup>4</sup>, либо предусматривают ее учреждение и прописывают порядок функционирования<sup>5</sup>. Отсутствие таких положений в ДЗЯО говорит либо о плохой проработанности положений Договора, ставящей под сомнение его эффективность, либо о наличии в ст. 4 положений, характерных для *pactum de contrahendo* – соглашений заключить последующий договор или включить в будущий договор определенные положения<sup>6</sup>, что с учетом уровня участия в самом ДЗЯО видится малоперспективным.

Весьма противоречиво выглядят положения ст. 7 ДЗЯО, касающиеся международного сотрудничества и помощи. Согласно пп. 3 и 4 каждое государство-участник, которое в состоянии делать это, оказывает техническую, материальную и финансовую помощь государствам-участникам, пострадавшим от применения или испытания ядерного оружия, в целях содействия дальнейшему осуществлению Договора, а также оказывает помощь жертвам применения или испытания ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств (эти положения перекликаются с пп. 1–2 ст. 6 ДЗЯО, см. ниже). В данном вопросе непонятен ни способ определения возможности оказать помощь, ни ее объем, ни ответственность за неисполнение данного положения, ни механизм определения жертв применения или испытания ядерного оружия, ни порядок установления размера ущерба, что сводит обязательство на уровень простой декларации, пожелания либо заведомо неисполнимой нормы.

Но самым противоречивым в ст. 7 является п. 6, в соответствии с которым без ущерба для любых других обязанностей или обязательств, которые оно может иметь по международному праву, государство-участник, которое применило или испытало ядерное оружие или любые другие ядерные взрывные устройства, несет ответственность за оказание надлежащей помощи затронутым государствам-участникам

<sup>1</sup> Fleck D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 405–406; Patton T., Philippe S., Milan Z. Op. cit. P. 389–392.

<sup>2</sup> Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6. С. 58–59; Müller H. What are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? // Non-Nuclear Peace. Beyond the Nuclear Ban Treaty / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaeert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 152–153.

<sup>3</sup> Fleck D. Op. cit. P. 405–406.

<sup>4</sup> Например, ст. 13 Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке 1967 г., ст. 3 ДНЯО, ст. 5 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии 1995 г.

<sup>5</sup> Например, ст. 7–11 Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке 1967 г., ст. 8–9 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии 1995 г., ст. 8 Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г., ст. 2 ДВЗЯИ, ст. 12 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке 1996 г.

<sup>6</sup> Марусин И. С. Указ. соч. С. 28; Aust A. Modern Treaty Law and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 25; McNair A. D. The Law of Treaties. Oxford: Clarendon Press, 1961. P. 27–29; Patton T. An International Monitoring System for Verification to Support both the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Nonproliferation Treaty // Global Change, Peace & Security. 2018. Vol. 30 (2). P. 187–207; Scheffran J. Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // Ibid. P. 156–161; Williams H. Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // The Nonproliferation Review. 2018. Vol. 25 (1–2). P. 56.

в целях оказания помощи жертвам и восстановления окружающей среды. Помимо обозначенных выше проблем, аналогичных для пп. 3 и 4, имеется несколько самостоятельных аспектов, требующих разъяснения.

Прежде всего возникает вопрос о категоричности запрета применять ядерное оружие согласно ст. 1 ДЗЯО: если государство нарушает договорную норму, то по общему международному праву на него возлагается обязанность ликвидировать вред, причиненный другому государству таким нарушением<sup>1</sup>. В таком контексте положения п. 6 ст. 7 ДЗЯО избыточны. Указание в международном договоре на ответственность имеет смысл в случае причинения вреда деятельностью, не запрещенной международным правом<sup>2</sup>, однако при таком условии теряет смысл запрет применения ядерного оружия. Следует заметить, что положения, подобные п. 6 ст. 7 ДЗЯО, в конвенциях о запрещении бактериологического и химического оружия отсутствуют, что не только не сказывается на императивности запрета этих классов оружия массового уничтожения, но и ни в коей мере не освобождает от ответственности за его применение.

Другой вопрос касается действия данной нормы ДЗЯО (как и всего Договора) во времени: распространяется ли она на участника договора в отношении любого действия или факта, которые имели место до даты вступления договора в силу для указанного участника (ст. 28 Венской конвенции 1969 г.), или только после обозначенной даты? Существует мнение, что намерение большинства государств при разработке текста ДЗЯО было направлено на охват и всех прошлых событий, т. е. норме придано свойство ретроактивности<sup>3</sup>. Иными словами, новые государства-участники, в первую очередь ядерные державы, присоединившись к ДЗЯО, сразу будут нести ответственность за ущерб, который они принесли всеми случаями применения или испытания ядерного оружия, когда-либо имевшими место. Помимо того что ущерб от ядерных взрывов, случившихся в прошлом, невозможно точно определить практически (что закладывает основы для злоупотребления в сторону как увеличения, так и уменьшения его размера), столь «недружелюбное» условие об ответственности для ядерных держав служит «надежной гарантией» их неприсоединения.

При этом, как отмечается в доктрине, несмотря на подобные формулировки ДЗЯО, данные положения должны приветствоваться и добросовестно выполняться, поскольку в основу положена благая цель помощи жертвам и восстановления окружающей среды<sup>4</sup>. Не отрицая значимости этой цели и необходимости ее достижения в рамках самостоятельного международного договора или иных механизмов универсального сотрудничества, следует признать, что ДЗЯО закрепляет явное изначальное неравенство между участниками Договора, налагая обременительные обязанности на ядерные державы. При этом совершенно неоправданным с точки зрения международного права является привлечение к материальной ответственности за действия, которые в момент их совершения не считались неправомерными. Даже несмотря на то что при заключении договора государства свободны в своем волеизъявлении относительно его содержания, это снимает с разработчиков обязанности обосновывать целесообразность и справедливость предлагаемых положений.

Дополняют столь неоднозначный режим международного сотрудничества и ранее упомянутые положения ст. 6 ДЗЯО, возлагающие основную ответственность за оказание помощи пострадавшим и восстановление окружающей среды на государства, против которых было применено ядерное оружие или на которые распространились неблагоприятные последствия, вызванные применением или испытанием ядерного оружия. Это снова возвращает к вопросу о характере запрета ядерного оружия и его юридических последствиях. Если любое применение ядерного оружия провозглашается ДЗЯО неправомерным, то с позиции общего международного права между-

<sup>1</sup> Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1. М.: Изд. иностранной лит., 1961. С. 393; Арчага Э. Х. Современное международное право. М.: Прогресс, 1983. С. 403; Броунли Я. Международное право: в 2 кн. Кн. 2. М.: Прогресс, 1977. С. 78–79; Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М.: Статут, 2014. С. 13; Курс международного права: в 7 т. Т. 3: Основные институты международного права. М.: Наука, 1990. С. 192; Фердросс А. Международное право. М.: Изд. иностранной лит., 1959. С. 353.

<sup>2</sup> Арчага Э. Указ. соч. С. 409–413; Броунли Я. Указ. соч. С. 94–95; Колосов Ю. М. Указ. соч. С. 135–136; Курс международного права. Т. 3. С. 249–254.

<sup>3</sup> Rietiker D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy. P. 346.

<sup>4</sup> Ibid. P. 347.

народную ответственность (в том числе материальную) должен нести делинквент, а не пострадавшее государство. В таком случае положения ст. 6 являются не только несправедливыми, но и противоречащими основам международно-правовой ответственности, а также не стимулирующими к соблюдению установленного запрета. Данные положения в совокупности с ранее упомянутыми в ст. 7 ДЗЯО «препятствиями» для присоединения к Договору ядерных держав создают абсурдную ситуацию, когда, например, Япония<sup>1</sup>, пострадавшая от атомных бомбардировок, при гарантированном неучастии в Договоре США должна будет нести ответственность за все неблагоприятные последствия на своей территории, как возникшие в прошлом<sup>2</sup>, так и существующие в настоящий момент. Кроме того, после имплементации положений ст. 6 во внутреннее законодательство граждане, пострадавшие от применения или испытания ядерного оружия, получают право требовать от своего государства оказания предусмотренной помощи, что способно создать чрезмерно обременительные экономические последствия.

Можно допустить, что достижение общей цели в соответствии со ст. 6 и 7 предполагалось разработчиками только при обязательном участии и добросовестном выполнении ДЗЯО сразу всеми государствами, в том числе ядерными (что было бы разумным). Однако против этого говорят положения ст. 15: Договор вступает в силу после сдачи на хранение пятидесятой ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении со стороны любых государств. Отсюда следует, что формальное вступление Договора в силу было для разработчиков предпочтительнее его эффективности и действенности.

В условиях неучастия в ДЗЯО ядерных держав, из-за (и для) которых в первую очередь и создавался весь режим Договора, совершенно беспредметными и бесперспективными выглядят предусмотренные ст. 8 ДЗЯО регулярные совещания государств-участников, а решения любых вопросов, касающихся, например, осуществления и состояния Договора, мер для проверяемой и необратимой ликвидации программ ядерного оружия в установленные сроки, – лишены всякого смысла.

Пункт 2 ст. 17 ДЗЯО предусматривает право выхода из Договора, если государство-участник в порядке осуществления своего государственного суверенитета решит, что связанные с содержанием Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. С одной стороны, данное положение является типовым для всех международных договоров, регламентирующих нераспространение, запрещение и уничтожение ОМУ. С другой стороны, это означает, что заложенная в нем гипотетическая возможность выхода из Договора и правомерность возврата к статусу ядерного государства (будь то *de jure* или *de facto*) ставит под сомнение эффективность всего договорного режима. Даже обусловленность денонсации обязательным наличием специальных исключительных обстоятельств не гарантирует окончательную ликвидацию ядерного оружия как класса. Получается, что установленные ст. 1 и 4 ДЗЯО обязательства, направленные на полное и необратимое уничтожение ядерного оружия и его запрещение, не обладают абсолютной императивностью, требующей неукоснительного соблюдения, поскольку сам Договор предусматривает механизм возврата к ситуации, существовавшей до принятия ДЗЯО<sup>3</sup>.

В качестве пояснения проведем аналогию с принципом разрешения международных споров мирными средствами (п. 3 ст. 2 Устава ООН). Будучи нормой *jus cogens*, этот принцип подлежит неукоснительному соблюдению государствами независимо от участия/неучастия в Уставе ООН, приостановления прав и привилегий или исключения из Организации. По своей значимости нормы, запрещающие оружие массового уничтожения, должны обладать аналогичной императивностью как часть общего международного права, а не отдельного договорного режима. Отсюда сам факт ис-

<sup>1</sup> Пример Японии является гипотетическим. На настоящий момент Япония не подписала и не ратифицировала ДЗЯО и всячески демонстрирует отказ от каких-либо действий в данную сторону. Подробнее см.: Муратшина К. Г. Япония и Договор о запрещении ядерного оружия // Японские исследования. 2019. № 4. С. 8–15.

<sup>2</sup> Rietiker D. Op. cit. P. 346.

<sup>3</sup> См. также: Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160; Considine L. Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition // International Affairs. 2019. Vol. 95 (5). P. 1089–1090.

ключительно договорного закрепления запрета ядерного оружия, а также возможность выхода из него делает этот запрет бессмысленным. Более того, в данном случае примеры конвенций о запрещении бактериологического и химического оружия, содержащих аналогичные статьи о денонсации, нельзя считать подходящими к ситуации с ядерным оружием. Основная причина кроется здесь не столько в значимости запрета этих классов оружия массового уничтожения для поддержания международного мира и безопасности, сколько в согласии с таким запретом обладателей их самых больших арсеналов. Применительно к ядерному оружию, как следует из позиций ядерных государств, такой подход оказался нереальным.

Не менее значимо для всего режима уничтожения и нераспространения ядерного оружия положение ст. 18 ДЗЯО, в соответствии с которой осуществление Договора не наносит ущерба обязательствам государств-участников в отношении существующих международных соглашений, в которых они участвуют, если эти обязательства согласуются с Договором. Несмотря на то что в ДЗЯО отсутствует указание на конкретные международные договоры, его преимущественная сила по отношению к любым из них очевидна. Данное обстоятельство наравне с ранее упомянутыми является одним из препятствий для обеспечения его универсальности и эффективности.

Прежде всего необходимо отметить, что положения о связи с другими соглашениями не новы для подобных международных договоров. Аналогичные статьи встречаются в договорах о безъядерных зонах<sup>1</sup>, в которых закрепляется необходимость учитывать права и обязанности участников по Уставу ООН, конвенциям по морскому праву, региональным и иным соглашениям. Наиболее значим среди указанных договоров Устав ООН, который в ст. 103 устанавливает известную «иерархию»: когда обязательства членом ООН окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по Уставу ООН. Причем данное положение действует независимо от того, упоминается оно в соответствующем договоре или нет (как следует из п. 1 ст. 30 Венской конвенции 1969 г.). Это же касается и ДЗЯО. С одной стороны, запрет и уничтожение ядерного оружия согласуются с положениями Устава ООН. С другой стороны, Устав ООН не запрещает и не разрешает прямого применения любого конкретного оружия, включая ядерное, в том числе в случае реализации права на самооборону<sup>2</sup>. Таким образом, не нарушая приоритета положений Устава ООН, ДЗЯО в отношении всех остальных договоров закрепляет преимущественную силу.

Совместим ли ДНЯО с вышеуказанной схемой соотношения ДЗЯО? Согласно п. 2 ст. 30 Венской конвенции 1969 г. если в договоре устанавливается, что он обусловлен предыдущим или последующим договором или что он не должен считаться несовместимым с таким договором, то преимущественную силу имеют положения этого другого договора. Применительно к рассматриваемой ситуации данные положения должны быть закреплены в ДНЯО, однако там они отсутствуют<sup>3</sup>. Предположим ситуацию, указанную в пп. 3 и 4 ст. 30 Венской конвенции 1969 г., когда участники ДНЯО становятся участниками ДЗЯО, при этом действие первого не прекращено и не приостановлено. В таком случае ДНЯО должен применяться в той мере, в какой он совместим с положениями ДЗЯО (это же правило применимо и в случае, когда все участники ДНЯО станут участниками ДЗЯО). С оставшимися ядерными государствами *de facto* в случае их присоединения к ДЗЯО будет применяться этот договор.

<sup>1</sup> Статья 21 Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке 1967 г., ст. 4 Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1970 г., п. 2 ст. 2 Договора о безъядерной зоне южной части Тихого океана 1985 г., п. 2 ст. 2 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке 1996 г., п. 2 ст. 2 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии 1995 г., п. «b» ст. 2 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии 2006 г.

<sup>2</sup> Законность угрозы ядерным оружием или его применением. Консультативное заключение Международного суда ООН от 8 июля 1996 г. // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 109–110, 114–115.

<sup>3</sup> Несмотря на то что Венская конвенция 1969 г. вступила в силу на 10 лет позже ДНЯО и не имела обратной силы (ст. 4), понимание конфликта последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, как проблемы приоритета применения одного из них сложилось задолго до принятия как ДНЯО, так и Венской конвенции 1969 г. См.: Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary / ed. by O. Dörr, K. Schmalenbach. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. P. 507–508; Villiger M. E. Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2009. P. 400–401.

Отсюда возникает вопрос о совместимости положений ДНЯО и ДЗЯО. С точки зрения содержания некоторые их статьи совпадают (например, ст. 1, 2, 3 ДНЯО и ст. 1, 3 ДЗЯО)<sup>1</sup>, однако тексты нельзя рассматривать отдельно от целей договоров, которые по своей сути не просто существенно различаются, а находятся в противоречии. Оставшиеся не противоречащие (т. е. совместимые) положения ДНЯО либо теряют смысл (ст. 5, 8, 9, 11), либо обязательны в силу общего международного права и отдельных международных договоров (ст. 3, 4, 7). Иными словами, в подобной схеме взаимодействия двух договоров ДНЯО становится не только несовместимым с ДЗЯО, но и бессмысленным, а в конечном счете и неисполнимым. Безусловно, имеются основания считать, что главные положения ДНЯО о нераспространении ядерного оружия (ст. 1 и 2) представляют собой частный случай обязательств по ст. 1 ДЗЯО, а также то, что ДЗЯО есть результат выполнения государствами ст. 6 ДНЯО о полном разоружении, в связи с чем между рассматриваемыми договорами формально отсутствуют противоречия и препятствия для их параллельного «сосуществования». Однако, если допустить возможность одновременного участия государства в ДНЯО, закрепляющем правомерность обладания ядерным оружием, и ДЗЯО, полностью запрещающем его как класс, противоречие и несовместимость становятся очевидными<sup>2</sup>.

В то же время на участников ДНЯО, как и любого международного договора, распространяется принцип *pacta sunt servanda*, означающий, среди прочего, требование точного выполнения договора в отношении его содержания<sup>3</sup>. ДНЯО определяет правомерность обладания ядерным оружием для тех государств, которые произвели и взорвали ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г. (п. 3 ст. 9). Данная правомерность обладания ядерным оружием автономна и не зависит от положений каких-либо иных международных договоров. Получив закрепление в рамках ДНЯО – не прекращенного и не приостановленного международного договора, – это положение остается действительным, действующим и обязательным к признанию в этом качестве, соблюдению и уважению как участниками ДНЯО, так и всеми третьими государствами. Иными словами, независимо от участия или неучастия в ДЗЯО все государства обязаны уважать закрепленный ДНЯО правомерный статус ядерных держав, этот статус нельзя признать неправомерным или недействующим лишь в силу того, что это закреплено в более позднем договоре.

Наконец, участие в новом международном договоре не может быть основанием для прекращения действия или невыполнения ранее заключенного договора. Кроме того, согласно п. 1 ст. 10 ДНЯО денонсация может иметь место только при соблюдении специальных условий: каждый участник Договора в порядке осуществления государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. Заключение ДЗЯО или присоединение к нему не может составлять вышеуказанные исключительные обстоятельства. А значит, любой выход из ДНЯО по причинам иным, чем указаны в п. 1 ст. 10, будет неправомерным, составит нарушение международного права, повлечет международную ответственность, а главное – не освободит нарушителя от выполнения положений ДНЯО. Единственно возможный выход из данной ситуации – отмена ДНЯО по решению всех его участников.

Таким образом, существующее противоречие между рассматриваемыми договорами не может быть устранено положением ст. 18 ДЗЯО. Правомерность ядерного оружия и обладания им ядерными державами не может быть устранена простым фактом участия в ДЗЯО, не может подразумеваться ДЗЯО (в частности, указанием на приоритетность его положений) или выводиться из соответствующих основ права международных договоров. Наличие этого запрета в самом ДЗЯО не имеет никакого юридического значения для достижения данной цели. Единственный правомерный механизм полного запрещения ядерного оружия должен включать в себя два обязательных шага: отмена ДНЯО всеми государствами-участниками и присоединение к ДЗЯО.

<sup>1</sup> Высказано мнение о взаимодополняемости ДНЯО и ДЗЯО и действию последнего в рамках режима первого. См.: *Considine L.* Op. cit. P. 1086.

<sup>2</sup> См. также: *Considine L.* Op. cit. P. 1084–1058; *Fleck D.* Op. cit. P. 404; *Williams H.* Op. cit. P. 59.

<sup>3</sup> *Талалаев А. Н.* Право международных договоров. Действие и применение договоров. М.: Междунар. отношения, 1985. С. 24.



Интересное значение в свете действия ДЗЯО приобретает ст. 20, устанавливающая равную аутентичность текстов договора на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках. С одной стороны, это отражает обычную практику использования официальных языков ООН, а согласно пп. 51 и 53 Временных правил процедуры Конференции ООН для согласования юридически обязывающего документа о запрете ядерного оружия, который привел бы к полной ликвидации этого оружия, языками Конференции являются английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский и все официальные документы Конференции представляются на этих языках. С другой стороны, 4 из 6 языков – государственные языки 5 ядерных держав, не участвующих в Договоре (впрочем, расчет разработчиков мог быть нацелен на перспективное участие ядерных держав). В соответствии с п. 1 ст. 33 Венской конвенции 1969 г., если аутентичность текста договора была установлена на двух или нескольких языках, его текст на каждом языке имеет одинаковую силу. При этом важно дополнить, что речь в данном случае идет о едином тексте, аутентичность которого установлена на двух и более языках, т. е. договор имеет единое содержание, находящее выражение в разноязычных текстах, а не разноязычные варианты этого содержания<sup>1</sup>. Кроме того, аутентичные тексты юридически не признаются переводами с какого-либо «оригинального» текста, имеющего при толковании какую-либо преимущественную силу<sup>2</sup>. Существует, однако, практическое соображение, согласно которому если текст договора разрабатывался и принимался на каком-то одном языке (например, рабочий язык Конференции), то совершенно естественно полагаться именно на такой текст, особенно если он является недвусмысленным<sup>3</sup>. В случае с ДЗЯО это утверждение будет справедливо в отношении текстов на всех официальных языках ООН. Складывается ситуация, когда высшей юридической силой для участников Договора с точки зрения применения и толкования будут обладать тексты на языках неучастников.

Есть и другая «практическая проблема». Несмотря на установленную п. 3 ст. 33 Венской конвенции 1969 г. презумпцию, что термины договора имеют одинаковое значение в каждом аутентичном тексте, на практике ни термины, ни сами тексты не могут быть абсолютно идентичными. Смысл того или иного термина индивидуален в каждом языке и национальной системе права, что прямо исключает универсальную идентичность как значений юридических терминов, так и самих слов<sup>4</sup>. В связи с этим возникает ряд вопросов. Так, в случае необходимости толкования положений ДЗЯО придется обратиться к аутентичным текстам, в том числе на языках государств-неучастников, между которыми в силу отсутствия вышеуказанной идентичности могут существовать противоречия. Устранить эти противоречия способны не просто носители языка, а специалисты в области разоружения, международного права, владеющие знаниями о соответствующей внутри- и внешнегосударственной правоприменительной практике и официальной государственной позиции. Иными словами, для толкования ДЗЯО его участникам может потребоваться помощь неучастников, чья официальная позиция в отношении Договора – категорически отрицательная. Впрочем, из этой ситуации существует выход: поскольку ст. 33 Венской конвенции 1969 г. и ст. 20 ДЗЯО диспозитивны, участники Договора по согласию вправе изменить количество аутентичных текстов, как и выбрать определенный текст, который будет обладать наивысшей юридической силой.

Анализ положений ДЗЯО выявляет фактическую непригодность механизмов к достижению договорной цели. Маловероятно, что даже участие ядерных держав смогло бы изменить ситуацию, поскольку, как показало исследование, полное ядерное разоружение требует мер, находящихся за пределами режима (создание контрольного механизма, отмена ДНЯО). Возможно, задачей предлагаемого текста ДЗЯО было создание «отправной точки» для дискуссии с ядерными державами, а не реальных мер по ликвидации класса оружия массового уничтожения.

<sup>1</sup> Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. I: Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 620–629; *Linderfalk U. On the Interpretation of Treaties*. Dordrecht: Springer, 2007. P. 356.

<sup>2</sup> Талалаев А. Н. Указ. соч. С. 109; *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary*. P. 594; *Villiger M. E. Op. cit.* P. 457.

<sup>3</sup> *Aust A. Op. cit.* P. 205; *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary*. P. 594.

<sup>4</sup> *Linderfalk U. Op. cit.* P. 356; *Villiger M. E. Op. cit.* P. 456.

**Список литературы**

- Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1. М.: Изд. иностранной лит., 1961. 447 с.
- Аречага Э. Х. Современное международное право. М.: Прогресс, 1983. 480 с.
- Броунли Я. Международное право: в 2 кн. Кн. 2. М.: Прогресс, 1977. 507 с.
- Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6. С. 41–65.
- Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М.: Статут, 2014. 224 с.
- Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. 132 с.
- Курс международного права: в 7 т. Т. 3: Основные институты международного права. М.: Наука, 1990. 260 с.
- Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. I: Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004. 658 с.
- Марусин И. С. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1. С. 20–31.
- Муратшина К. Г. Япония и Договор о запрещении ядерного оружия // Японские исследования. 2019. № 4. С. 6–23.
- Муратшина К. Г. Политика государств постсоветской Центральной Азии в отношении Договора о запрещении ядерного оружия // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 47–56.
- Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160–168.
- Талалаев А. Н. Право международных договоров. Действие и применение договоров. М.: Междунар. отношения, 1985. 294 с.
- Фердросс А. Международное право. М.: Изд. иностранной лит., 1959. 652 с.
- Aust A. *Modern Treaty Law and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 544 p.
- Considine L. *Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition* // *International Affairs*. 2019. Vol. 95 (5). P. 1075–1092.
- Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary* / ed. by O. Dörr, K. Schmalenbach. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. 1423 p.
- Fleck D. *The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security* // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 395–415.
- Linderfalk U. *On the Interpretation of Treaties*. Dordrecht: Springer, 2007. 410 p.
- McNair A. D. *The Law of Treaties*. Oxford: Clarendon Press, 1961. 789 p.
- Müller H. *What are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? // Non-Nuclear Peace. Beyond the Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 151–166.
- Patton T. *An International Monitoring System for Verification to Support both the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Nonproliferation Treaty* // *Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 187–207.
- Patton T., Philippe S., Mian Z. *Fit for Purpose: An Evolutionary Strategy for the Implementation and Verification of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons* // *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*. 2019. Vol. 2 (2). P. 387–409.
- Rietiker D. *The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law* // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 325–353.
- Scheffran J. *Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons* // *Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 143–162.
- Villiger M. E. *Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2009. 1057 p.
- Williams H. *Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons* // *The Nonproliferation Review*. 2018. Vol. 25 (1–2). P. 51–63.

**References**

- Anzilotti D. (1961) *Kurs mezhdunarodnogo prava. T. 1* [The Course of International Law. Vol. 1]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 447 p.
- Archaga E. H. (1983) *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo* [Modern International Law]. Moscow, Progress, 480 p.
- Aust A. (2000) *Modern Treaty Law and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press, 544 p.
- Brownlie Y. (1977) *Mezhdunarodnoe pravo: v 2 kn. Kn. 2* [International Law: in 2 books. Book 2]. Moscow, Progress, 507 p.

Considine L. (2019) Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition. In *International Affairs*, vol. 95, no. 5, pp. 1075–1092.

Dörr O., Schmalenbach K. (Eds.) (2012) *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary*. Berlin, Heidelberg, Springer, 1423 p.

Ferdross A. (1959) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 652 p.

Fleck D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 395–415.

Kolosov Y. M. (2014) *Otvetstvennost' v mezhdunarodnom prave* [Responsibility in International Law]. Moscow, Statut, 224 p.

Kozin V. P. (2018) *Vozmozhno li sozdat' bez'yadernyi mir k 2045 godu?* [Is it Possible to Have Non-Nuclear World in 2045?]. In *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 6, pp. 41–65.

*Kratkoe izlozhenie reshenii, konsul'tativnykh zaklyuchenii i postanovlenii Mezhdunarodnogo suda OON. 1992–1996 gody* (1998) [Extracts of Judgements, Advisory Opinions and Orders of the ICJ. 1992–1996]. New-York, OON, 132 p.

Linderfalk U. (2007) *On the Interpretation of Treaties*. Dordrecht, Springer, 410 p.

Lukashuk I. I. (2004) *Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov. T. I: Zaklyuchenie mezhdunarodnykh dogovorov* [Modern Law of Treaties. Vol. 1: Conclusion of Treaties]. Moscow, Volters Kluver, 658 p.

Marusin I. S. (2018) *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya 2017 goda i perspektivy ego primeneniya* [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and Perspectives of its Application]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 1, pp. 20–31.

McNair A. D. (1961) *The Law of Treaties*. Oxford, Clarendon Press, 789 p.

Müller H. (2020) What are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? In Sauer T., Kustermans J., Segaert B. (Eds.) *Non-Nuclear Peace. Beyond the Nuclear Ban Treaty*. Switzerland, Palgrave Macmillan, pp. 151–166.

Muratshina K. G. (2019) *Yaponiya i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya* [Japan and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. In *Yaponskie issledovaniya*, no. 4, pp. 6–23.

Muratshina K. G. (2019) *Politika gosudarstv postsovetskoj Tsentral'noi Azii v otnoshenii Dogovora o zapreshchenii yadernogo oruzhiya* [The Policy of Central Asia States on Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. In *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 11, pp. 47–56.

Muratshina K. G., Pashkova T. V. (2019) *Kitaiskaya Narodnaya Respublika i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya* [The People's Republic of China and Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 441, pp. 160–168.

Patton T. (2018) An International Monitoring System for Verification to Support both the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Nonproliferation Treaty. In *Global Change, Peace & Security*, vol. 30, no. 2, pp. 187–207.

Patton T., Philippe S., Mian Z. (2019) Fit for Purpose: An Evolutionary Strategy for the Implementation and Verification of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, vol. 2, no. 2, pp. 387–409.

Rietiker D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 325–353.

Scheffran J. (2018) Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *Global Change, Peace & Security*, vol. 30, no. 2, pp. 143–162.

Talalaev A. N. (1985) *Pravo mezhdunarodnykh dogovorov. Dejstvie i primeneniye dogovorov* [Law of Treaties. Legal Effect and Application of Treaties]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 294 p.

Ushakov N. A. (Ed.) (1990) *Kurs mezhdunarodnogo prava: v 7 t. T. 3: Osnovnye instituty mezhdunarodnogo prava* [The Course of International Law: in 7 volumes. Vol. 3: Basic Institute of International Law]. Moscow, Nauka, 260 p.

Villiger M. E. (2009) *Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*. Leiden, Boston, Martinus Nijhoff, 1057 p.

Williams H. (2018) A Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *The Nonproliferation Review*, vol. 25, no. 1–2, pp. 51–63.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.11.2024

Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2025